

В. А. Иванов

**АРХАИЗМЫ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПЕРЕВОДА
ТРАГЕДИИ «ФАУСТ» НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК***Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются слова, вышедшие из употребления в разговорной речи, но сохранившиеся в воспроизведенном виде на чувашском языке в переводе произведения И. В. Гете «Фауст», выполненном Н. А. Андреевым (Урхи). Термин «стилистика», будучи учением об употреблении языка, трактуется нами как индивидуальная манера речи переводчика в процессе выявления архаизмов в чувашском варианте. Дифференциация письменного и разговорного стилей осуществляется с учетом национальных корней.

Прерогатива в тексте трагедии принадлежит диалогу, в котором наиболее транспарентно представлены возможности стилистических особенностей употребления древних лексем, ставших для носителей языка архаизмами. Отдельно в качестве выразительных средств языка анализируются устаревшие устойчивые словосочетания, в которых функционально необходимый архаический стиль вызван к жизни пером Урхи, переводчика-самоучки (нем. Dolmetscher, чув. *тӓлмач, толмач*).

Семь лексических единиц из числа архаизмов характеризуются выделением двух степеней устарелости в зависимости от их употребления носителем простонародной речи и исследователем, усвоившим современный литературный язык по книгам, в одном лице. Н. А. Урхи освоил речь с молоком матери в самобытном натуральном пространстве во время активного повседневного общения в трудовой деятельности. Языком перевода он овладел своеобразно – благодаря учебникам для самообразования, самоподготовке к экзаменам экстерном, заочной форме обучения, т. е. его становление как переводчика шло дистанционно и долго (стал студентом вуза в возрасте 75 лет). В возрасте 88 лет Н. А. Урхи представил трагедию на своем материнском языке в Центральную библиотеку г. Веймар, тем самым увековечив свое имя в ряду переводчиков классики на чувашский язык. В статье его труд репрезентируется с целью активизации архаизмов в устной и письменной речи, ибо во времена переводчика Н. А. Урхи они были живым голосом современности.

Ключевые слова: *транслят, индивидуальный стиль, трагедия, устный, архаизм, природный, паремология, чувашская лексика, разговорная речь.*

V. A. Ivanov

**ARCHAISMS AS STYLISTIC SPECIFICITY OF TRANSLATION
OF GOETHE'S «FAUST» INTO CHUVASH LANGUAGE***I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia*

Abstract. The article considers the words that have become obsolete in colloquial speech but preserved in reproduced form in the Chuvash language in the translation of Johann Wolfgang von Goethe's «Faust» made by N.A. Andreev (Urkh). The author considers «style» as an individual manner of the translator's speech in the process of identification of archaisms in the Chuvash language. Written and colloquial styles vary based on the ethnic background.

The dialogue plays a prerogative role in the text of the tragedy, in which the possibilities of stylistic features of the use of ancient lexemes are most transparently presented and which have become archaisms for native speakers. The article analyzes as the archaic set phrases in which Urkhi, the Chuvash self-taught translator (German: Dolmetscher, Chuvash: *tӓlmach*) brought the archaic style to life.

Seven archaisms are characterized by the two degrees of obsolescence depending on their use by both the native speaker of the vulgar language and the researcher of the modern literary language. Urkhi learnt the vulgar speech early in his childhood in an authentic natural environment during daily communication when working. He mastered the language of translation in a peculiar way. Urkhi was able to do that thanks to the textbooks for self-education, passing exams without attending lectures, being an external student. His becoming a translator took him a long time (he became a university student at the age of 75). At the age of 88, Urkhi contributed Goethe's «Faust» in his mother language to the Central Library of the city of Weimar, thereby perpetuating his name among the translators of the classic literature into the Chuvash language. The article presents his work with the goal of activating the archaisms in oral and written speech, because in the time of Urkhi those archaisms were the living voice of his modernity.

Keywords: *translation, individual style, tragedy, oral, archaism, natural, paremiology, Chuvash vocabulary, colloquial speech.*

Введение. Предметом исследования стали архаизмы как проявление стилистического своеобразия транслята трагедии «Фауст» на чувашский язык. Материалом для написания статьи послужили оригинал трагедии на немецком языке, изданный на чувашском языке перевод трагедии, этимологические словари немецкого и чувашского языков, энциклопедические труды, словарь иностранных слов, теоретические труды по проблемам языковых стилей, научно-популярная литература на немецком языке о переводе «Фауста», работы по немецкоязычному чувашеведению. Исследование имеет целью на примере анализа семи устаревших лексических единиц доказать возможность их включения в активный словарный фонд носителей современного чувашского языка.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа условий оттеснения родного языка из сферы общения, включая в данное понятие и оптимизацию пассивного фонда языка. Процесс архаизации нуждается в тщательном рассмотрении в рамках анализа стиля языка транслята, сравнительно-исторического подхода к своеобразной интерпретации «Фауста» на чувашском языке.

При исследовании причин архаизации слов, кроме исчезновения понятий, обозначивших их, учитывается и степень устарелости лексики, активно используемой широким кругом носителей языка, к которому принадлежит и автор исследования.

Феноменальность перевода «Фауста» заключается в том, что научно-философское творение ученого на мировом языке успешно передано на национальном языке как наглядное представление существования немецко-чувашского билингвизма.

Материал и методы исследования. Статья строится на анализе имеющегося в нашем распоряжении труда Н. А. Андреева (Урки), включающего текст трагедии «Фауст» на чувашском языке в объеме 218 страниц, авторское предисловие объемом в 19 страниц, комментарии автора в объеме 11 страниц. Взгляды Наума Андреева на стилистику чувашского языка подробно представлены в его учебном пособии «Чăваш чĕлхин стилистики» [1, с. 3–34]. Поучительна книга «Фауст против Мефистофеля?» – размышления Гете о нравственных проблемах экологии, оптимизма, сложности жизненной ситуации, поисках истины [9, с. 269–274]. На немецком языке опубликована работа о презентации в Германии «Фауста» на чувашском языке [12, с. 149–151]. Некоторые вопросы перевода «Фауста» рассматривались автором данной статьи и ранее, например, в работе «Трагедия “Фауст” как педагогическое произведение в сопоставлении ее с переводом на русский и чувашский языки».

Методы исследования: сравнительно-историческое изучение стилистики общенародного языка и художественной литературы с применением элементов математических методов в процессе анализа примеров из «Фауста» на чувашском языке.

Результаты исследования и их обсуждение. В Центральной библиотеке города Веймара хранится феноменальная коллекция – фаустиана, насчитывающая более 20 ты-

сяч томов. В 1979 году эта библиотека получила перевод шедевра мировой литературы на чувашский язык, исполненный 88-летним исследователем – переводчиком Н. А. Андреевым (Урхи), самостоятельно освоившим немецкий язык в юности. В течение 50 лет он упорно трудился над творческим переводом поэтического философского произведения Гете, созданного автором в течение почти всей долгой жизни: И. В. Гете начал писать его в 1774 году, I часть опубликована в 1806 году, II часть – в 1831 году, т. е. 57 лет автор верно служил своему главному труду. Преданность жизненной цели сближает авторов оригинала и транслита [10, с. 5]. Особую сложность при переводе представляют фразеологизмы, архаизмы, латинизмы.

Включенная в список использованной литературы газетная статья об авторе перевода наглядно на конкретном примере демонстрирует аксиому, что в науке нет «широкой столбовой дороги», а ее вершин достигает тот, кто, не боясь, «карабкается по ее каменистым тропам». Научившись в деревне читать и считать, Наум Андреев карабкался по ним с детских лет, затем экстерном закончил гимназию, в которой получил знания Владимир Ульянов, расширил знания самостоятельно в Симбирской чувашской учительской школе, работая в мастерской; далее трудился в исследовательском институте в должности научного сотрудника без степени и звания, редактировал статьи и писал учебники; заочно в возрасте 75 лет официально получил высшее образование, достиг «вершины» в овладении немецким и чувашским языками и представил нам материал для исследования стилистики материнского языка. Наша цель заключается в том, чтобы в манере Наума Урхи способствовать совершенствованию умений в использовании стилистически неисчерпаемо богатой природной речи. В этой области приближение к идеалу является длительным процессом, особенно когда речь идет о разговорном стиле [8, с. 130–188]. Природная речь и стилистическое разнообразие имеют место и в языке чувашского «Фауста». В нем мы обнаруживаем частотность архаизмов, их употребление соответствует именно «функциональной целесообразности», а переводчика он характеризует как большого мастера слова [2, с. 67].

Архаизмы различной степени устарелости в чувашском тексте «Фауста» функционируют, во-первых, как слова, семантика которых недоступна современному носителю языка, например, автору данной статьи, без лексикографической справки из этимологического словаря [4; с. 315, 347, 294, 42, 69, 250]: *хысма* – пригоревшая пленка на молоке; *эхер* – если; *хярәм* – рабыня, служанка; *ярәм* – наговор, волшебство; *им* – снадобье, лекарство; *иллек* – изобилие; *тивлет* – удача, счастье. Приведенные 7 примеров – это немало, мы уже можем выразить благодарность Н. А. Урхи. Если данные единицы вернуться к современному носителю материнского языка, мы можем утверждать, что архаизмы, своевременно и с пользой употребленные в чувашском «Фаусте», могут стать неологизмами, станут своей противоположностью [3; с. 11, 46, 255, 44, 69, 69, 126]. У Н. А. Урхи они употреблялись в канве современного чувашского языка, а для подавляющего большинства носителей оказались архаизмами, поскольку семантизировались лишь посредством лексикографического источника; для нас они имели эффект новизны и были восприняты как вернувшиеся в активный словарный фонд.

Во-вторых, в стилистике Наума Урхи среди устаревшей лексики допустимо выделение подгруппы единиц, понятных в определенной степени в кругу учителей и части носителей чувашского языка. Для иллюстрации мы выделили следующие семь примеров: *пайта* – польза; *янавар* – животное, лошадь; *таната* – сеть для ловли зверей, птиц; *пусахлас* – принуждать, настаивать; *аскән* – распущенный; *тирешти* – добрый дух; *ёшне* – поляна [3, с. 24, 47, 67, 93, 205, 251, 255], [4, с. 35, 67, 161, 167, 229, 353]. Вышедших из актива чувашской разговорной речи слов множество, а мы рассмотрели лишь часть из индивидуализированных речевых актов персонажей чувашского «Фауста» в качестве иллюстрации самобытности стиля переводчика.

В-третьих, Наум Урхи обогащает архаизмами паремии, например, древнее слово «хантсар» в значении «авалхи хёс» (меч) [3, с. 80] отсылает нас к изречению «ханттар тени – пулать хастар» [3, с. 95].

Здесь мы при выявлении сближения указанных архаизмов опираемся на труды полиглотов Н. И. Ашмарина, В. Г. Егорова, М. Р. Федотова, заглядывавших в историю родного языка вплоть до эпохи Великого переселения народов, когда наши предки побывали соседями у арабов, а профессор В. Г. Егоров в недавнем прошлом был просветителем в Сирии. Профессор М. Р. Федотов как учитель немецкого языка является основоположником изучения немецкоязычной чувашелогии [5, с. 59]. Наум Андреевич тоже занимался исследованием арабо-иранских языков, поэтому был близко знаком с лексикой древних языков.

Для стилистики Н. А. Урхи характерно употребление паремий (изречений) в виде устойчивых фраз в современном и историческом состоянии, функционирующих в экспрессивно окрашенном значении: *Пурте ырлаççё ылтăна: мулшăн çунаççё, мулшăн чунаççё* (В погоне за богатством все в бегах за золотом), *Кам вёрентет ыр ёç тума, пуç тайăпăр пурте çавна* (Кто учит благим делам, тот достоин преклонения перед ним), *Чăн нимёсе француз тус мар нихçан* (Настоящему немцу никогда другом не был француз), *Мухтаманни тата йăвашлăх – пуриншĕн те паха парне* (Скромность и покорность – для всех подарок), *Айăпсăр çынна пĕтересси – тирансен меслечĕ вăл* (Обвинять невиновного – умение тиранов), *Кар тытăнсан, чăн аслă ёç пулать аinsa* (Хорошее начало полдела откачало) [1, с. 135, 62, 110, 151, 186, 240]. Даже ограничившись семью примерами для иллюстрации самобытности поэтической стилистики Наума Урхи, можно сделать вывод, что переводчик «Фауста» обогащает материнский язык древними и современными фразеологизмами, многие из которых по характеру сближаются с пословицами – нравовучениями предков. Многовековой опыт народа, складывавшего ритмические изречения с назидательным смыслом, представлен Н. А. Урхи параллельно с «Фаустом» в труде по стилистике с пометкой «Ваттисен сăмахё», «Халăх сăмахлăхё», т. е. слово старцев – «народный язык» [1, с. 134, 156, 128, 58, 59, 63, 76].

В-четвертых, своеобразную окраску стилю языка Н. А. Урхи придает язык племени латинов, распространенный в Италии с 8 века до н. э. Архаические признаки, сохранившиеся в латыни, находят в надписях на памятниках 6 века до н. э. Также лингвистам известно, что народная латынь стала достоянием всего человечества, ее письменная разновидность обслуживает и сегодня всю Западную Европу в сфере науки, в том числе и терминологии филологов. Латинский стал также источником лексического обогащения языка перевода «Фауста» на чувашский язык, следовательно, и вкладом в развитие художественного творчества Наума Урхи. Для доказательства данного утверждения приведем 7 фактов: украшением стиля служат слова *Serenade, Natturmo, Mattutino, Reveil*, переведенные Н. Урхи на родной язык как «каç», «çёрле», «шуçăм», «ир» (вечер, ночь, заря, утро); удивительно словосочетание *Sancta simplices* – «таса айванлăх» (чистая наивность) – пример сосуществования чистоты и простоты; архаическое песнопение *Dies irae, dies illa solvet saeculum in favilla* – *Çилĕ кунĕ, çак кун тĕнчене пĕтерет, ана кĕл тăват* (день зла, день конца света в его проповеди) – гимн о страшном суде, что ждет грешных; *Quid sum miser tunc dicturus? – Мёскер калăп энĕ, мёскер ун чухне? (Что же мне сказать там?)* – сказано о бессилии слов; *Judex ergo cum sedebit, Quidquid latet, adparebit Nil inultum remanebit* – *Ун чух судья ларать те, мĕн тытăнса тăни ун умне йăлтах курăнать, нимĕн те тавăрмасăр юлмасть* (Когда судья все видит, что скрывается, это он ясно понимает, за все нужно отвечать) – слова о правосудии, где важно не одно наказание, но и воспитание: *Quid sum miser tunc dicturus, Quem patronum rogaturus, Quum vix Justus sit secures? – Энĕ, телейсёр, ун чухне мĕн калăп? Тўр çын та аран çăлăнать пулсан, кама хута кĕме тархаслăп* (Если

честный человек с трудом спасается, кого же просить заступиться, мне, несчастному, что сказать?) – нравоучение о том, что нужно говорить правду везде, тем более на суде. (Перевод с латинского на чувашский дан самим Н. А. Урхи).

Употребленные в «Фаусте» в разнообразной форме латинизмы на чувашском языке [3, с. 254, 148, 182, 184, 183, 184] с указанием страниц в источнике помогают нам решить следующую задачу: показать плодотворность самообразования и высокий стиль языка перевода, результативность передачи языка великой культуры средствами Muttersprache с привлечением достижений других народов, в том числе и носителей латинского языка. Известно также, что чувашский язык прошел и этап латинизации алфавита [6, с. 166]. Любознательный исследователь чувашского языка Н. Урхи с детских лет сохранил жажду к знаниям на всю жизнь и гордо носил звание «лам» – распространитель знаний из деревни в деревню – «ламран лама», из поколения в поколение. Не провозглашая программу защиты родного языка, Наум Андреевич практически и теоретически, как учитель, ученый, госслужащий, писатель и поэт, придал родным словам neuen Sinn, neuen Klang, erweckte sie zu neuem Leben [12, с. 150] – новый смысл, новое звучание, пробудил их к новой жизни.

Роль переводов в обогащении литературных языков общеизвестна. В них налицо достижения науки и элементы искусства. Перевод трагедии «Фауст» подтвердил, что в этом процессе переводчику приходится считаться с лингвистическими основами и с национальной неповторимостью языка оригинала и транслита. Наум Урхи неоднократно перечитывал трагедию Гете, ознакомился с переводами на русский язык, критически проанализировал их, проникся духом Гете, лично убедился в гениальности жизненной философии пророка – немецкого поэта, в значении каждой фразы и особенности построения предложений, т. е., как истинный чуваш, «хам куспа курса, хам алапа тытса пӑхса» (увидев своими глазами, пощупав своими руками) отправился в долгий путь за познанием внутреннего мира искателя истины. Имея творческие контакты с Наумом Урхи, читатели убедились, что Фауст жив, трагедия современна, ее герой будто говорит сегодняшнему директору: Ёҫ халӑхне кирек аҫтан пуҫтар; тӱле, хавхалантар, парне парса астар (Собери сотрудников, плати, стимулируй, дари подарки – вдохновляй) [3, с. 241].

Выводы. Трагедия «Фауст» переведена на чувашский язык Н. А. Андреевым (Урхи), заложившим «основу науки о стилистике и лексикографии чувашского языка» [11, с. 151]. Текст перевода отредактирован народным писателем ЧАССР А. С. Артемьевым, переводчиком стихотворений И. В. Гете, Ф. Шиллера, Г. Гейне с немецкого на чувашский язык. Сосредоточив наше внимание при анализе произведений Н. Урхи только на чувашском варианте с проекцией на единство архаизма, фразеологизма и латинизма, мы пришли к выводу, что переводчик больше заботился о передаче не буквы, а смысла с учетом ситуации. Иллюстрацию данной характеристики перевода можно проследить, например, на переводе куплета студенческого гимна с латинского языка на русский: Vivat Academia, Vivant professores! Vivat membrum quodlibet, Vivant membra quaedlibet! Semper sint in flore! (Здравствуй, милый факультет, здравствуйте, профессора! Здравствуй, милый друг и брат, здравствуйте, товарищи!). Наглядно демонстрируется функциональная необходимость употребления и архаизмов, и фразеологизмов, и латинизмов в формуле «Tempora mutantur, et nos mutamur in illis» [7, с. 204].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Н. А. Чӑваш чӗлхин стилистики. – Чебоксары : Чӑваш кӗн. изд-ви, 1966. – 179 с.
2. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. – М. : Высшая школа, 1967. – 374 с.
3. Гете И. В. Фауст. Трагедия. Перо Н. А. Андреев / под ред. А. С. Артемьева. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1979. – 255 с. (На чув. языке).

4. *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чувашиздат, 1964. – 355 с.
5. *Иванов В. А.* Вена хулинчи икĕ академик – чăваш чĕлхипе культурина тĕпчекенсем // Народная школа. – 2019. – № 6. – 96 с.
6. *Kappeler A.* Чуваш. Народ в тени истории / пер. с нем. Е. В. Толстовой ; науч. ред. Л. А. Таймасов. – Чебоксары : ЧКИ РУК, 2019. – 268 с.
7. *Козлова Г. Г.* Латинский язык. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 284 с.
8. *Михайлов М. М.* Стилистика русской речи. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1968. – 367 с.
9. *Смирнов К. Н.* Фауст против Мефистофеля. – М. : Изд-во политической литературы, 1987. – 286 с.
10. *Советская Чувашия.* – 2019. – 17 декабря.
11. *Федотов М. Р.* Исследователи чувашского языка. – Чебоксары : Изд-во Чувашского университета, 2000. – 151 с.
12. *Die Weltbühne.* – 1981. – № 5. – S. 129–160.

Статья поступила в редакцию 28.01.2020

REFERENCES

1. *Andreev N. A.* Chăvash chĕlhin stilistiki. – Cheboksary : Chăvash. kĕn. izd-vi, 1966. – 179 s.
2. *Budagov R. A.* Literaturnye yazyki i yazykovye stili. – M. : Vysshaya shkola, 1967. – 374 s.
3. *Gete I. V.* Faust. Tragedi. Pero N. A. Andreev / pod red. A. S. Artem'eva. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1979. – 255 s. (Na chuv. yazyke).
4. *Egorov V. G.* Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka. – Cheboksary : Chuvashizdat, 1964. – 355 s.
5. *Ivanov V. A.* Vena hulinchiiĕ akademik – chăvash chĕlhipe kul'turine tĕpchekensem // Narodnaya shkola. – 2019. – № 6. – 96 s.
6. *Kappeler A.* Chuvashi. Narod v teni istorii / per. s nem. E. V. Tolstovoj ; nach. red. L. A. Tajmasov. – Cheboksary : ChKI RUK, 2019. – 268 s.
7. *Kozlova G. G.* Latinskij yazyk. – M. : Izd-vo MGU, 1972. – 284 s.
8. *Mihajlov M. M.* Stilistika russkoj rechi. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1968. – 367 s.
9. *Smirnov K. N.* Faust protiv Mefistofelya. – M. : Izd-vo politicheskoy literatury, 1987. – 286 s.
10. *Sovetskaya Chuvashiya.* – 2019. – 17 dekabrya.
11. *Fedotov M. R.* Issledovateli chuvashskogo yazyka. – Cheboksary : Izd-vo Chuvashskogo universiteta, 2000. – 151 s.
12. *Die Weltbühne.* – 1981. – № 5. – S. 129–160.

The article was contributed on January 28, 2020

Сведения об авторе

Иванов Владимир Александрович – доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков № 2 Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: bella-lucia@rocketmail.com, profiwanow@yandex.ru

Author Information

Ivanov, Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of Foreign Languages № 2, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: bella-lucia@rocketmail.com, profiwanow@yandex.ru